

18+

Александр Гайворонский

Комната с выходом 1 и 2 части

Научно-фантастический роман

Александр Гайворонский

Комната с выходом. 1-я и 2-я части

«Издательские решения»

Гайворонский А.

Комната с выходом. 1-я и 2-я части / А. Гайворонский —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-567198-1

Во все времена люди хотят мира, справедливости и счастья. Зачастую эти мечты омрачаются войнами, болезнями и другими напастями. И вот появляется человек со строгими моральными устоями, безупречным кодексом чести. Он приобретает способность передавать другим свои принципы, своего рода заражает ими, как вирусом (явление называется «Ременцией»). «Вирус» стремительно распространяется. Люди становятся лучше, нравственнее. Однако, вирус может помочь организму выработать иммунитет, а может и убить. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-00-567198-1

© Гайворонский А.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	9
Первые загадки	9
Монолог Неизвестного (начало)	10
Рассказ от первого лица	15
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Комната с выходом 1-я и 2-я части

Александр Гайворонский

Дизайнер обложки Александр Борисович Гайворонский

© Александр Гайворонский, 2022

© Александр Борисович Гайворонский, дизайн обложки, 2022

ISBN 978-5-0056-7198-1 (т. 1, 2)

ISBN 978-5-0056-7199-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

"Данная книга является художественным произведением, не пропагандирует и не призывает к употреблению наркотиков, алкоголя и сигарет. Книга содержит изобразительные описания противоправных действий, но такие описания являются художественным, образным, и творческим замыслом, не являются призывом к совершению запрещенных действий. Автор осуждает употребление наркотиков, алкоголя и сигарет. Пожалуйста, обратитесь к врачу для получения помощи и борьбы с зависимостью"

Предисловие

С кем из нас не происходили в жизни странные вещи, которым нет объяснения: вещие сны, интуитивное предвосхищение событий, феномен «дежавю», блуждание «в трёх соснах», полтергейст, домовые, пропажа вещей и мистическое их возвращение, загадочные явления в небе, мироточащие иконы (да мало ли чего ещё?) – наверняка с каждым. Можно о них рассказывать или хранить от всех в тайне – от этого ничего не изменится: они были, есть и будут. Но много ли людей, знающих разгадку (природу этих вещей)?

Один любопытный случай из моей собственной жизни я опишу в качестве предисловия к роману.

Это было в 1990-м году. Справляли мы на даче товарища его день рождения. Друзей собралось на шашлыки под водочку ровно двадцать один. Я пришёл с подругой, влюблённой в меня по уши. И любовь эта была какая-то настолько умильная, что слёзы наворачивались. Юная, тогда ещё застенчивая, бесхитростная красавица смотрела на меня всегда восторженными глазами, а я буквально таял в них.

И вот когда все гости были в сборе, а мясо нанизывалось на шампура, я по просьбе хозяйина пошёл в сарай за картошкой. Дали мне с собой кастрюльку и я двинул, чувствуя на себе взгляд возлюбленной. Она действительно смотрела мне в спину, видела, как дверь сарая открылась, как захлопнулась за мной, звякнув ржавой кованой планкой, что для замочного затвора служит. Подружка так и продолжала рассматривать деревянную некрашеную дверь в ожидании, когда я выйду.

Дело было на Волге. Полдень, жарко, солнце в зените стояло. Оно всегда в зените, когда полдень в тех краях. Шампура на мангале, водка в теньке, настроение у всех радостное и безоблачное, как и небо над головой.

Я вошёл в крохотный сараюшко в 4 квадратных метра. Сквозь прорехи в разохшихся досках солнышко светит, на полу ящик, прикрытый фанеркой. Картошка прошлогодняя, местами проросшая. Накидал я в кастрюльку штук пятнадцать, двадцать – зарыть в золу потом, на любителя. Лично я не фанат, но в охотку бывает иногда желание ладони пообжигать да похрустеть обгорелой корочкой.

Выполнил я задание, фанерку на место вернул и – на выход...

А девочка моя всё смотрела и смотрела на ту злополучную дверь. Минута прошла, другая. Гости раздражаться стали, рюмочки-то налиты – всем не терпится для разогрева на грудь принять святые 50 грамм. А тут одного, то есть меня, всё нет и нет. Вроде бы семеро одного не ждут, могли бы и сами тяпнуть, да вот только я необычный гость. Шефом я был для всех, а эти все – мои подчинённые. Конторой гуляли.

Прошло минуты три. Позвали, тишина. Заволновались – ну что там несколько картошин набрать, секундное дело! Моя пассия не отрывала взгляда от двери сарая, до которого 11 метров всего (всё потом перемеряли до сантиметра). Первой вскочила – вдруг что случилось? – молчу ведь, не отзываюсь! Дверь распахнула и застыла обескураженная. Меня в сарае не было. Следом хозяева дачи влетели. Глазами глинобитный пол обвели: несколько пустых канистр, лыжи старые в углу, лук в сетках-чулках под потолком и несколько пустых банок на единственной прогнувшейся полке. Ящик как стоял, так и оставался нетронутым, вот только фанерка рядом на полу лежала. Это они уверенно потом утверждали...

...Меня искали везде, где только можно – дачка небольшая, стандартная для тех времен – в 6 соток, несколько деревьев и огородик; домик махонький, одноэтажный, спрятаться негде. А вот забор вокруг добротный – 2 метра высотой, из струганных обрезных досок, плотно подогнанных. Все разом решили, с сомнением правда, что я их разыгрываю. Бегали вокруг, кричали, улюлюкали. Потом заволновались. Не похоже это на меня. Ну, не похоже и всё!

Не солидно. Ладно бы обиделся на что – ушёл, но ведь никаких поводов не было. А тут подружка моя: у нас любовь на взлёте, какие уж тут розыгрыши или обиды!

Искать начали всерьёз. Долго искали... Два с половиной часа. На чердак лазали, вокруг дома метались, окрестности с криками и свистами обошли. За домом яма была приличная – хозяин ледник намеревался строить, да всё руки не доходили, – за два года края обвалились, скаты рыхлые, а внизу лужа с весны стояла – в неё тоже ныряли. Уличный туалет снимали с основания – и там палками шурудили, не побрезговали. Отчаявшись, сели водки выпить, да остывшим шашлыком закусить. Моя плачет, в голос ревет. Все расстроены, не знают, что и думать, а уж что делать – тем более. Полное отчаяние.

И тут из того самого сарая выхожу я с кастрюлькой в руках. Улыбаюсь всем, как ни в чём не бывало... Что началось!

...Мне казалось, у меня за спиной железяка дверная ещё колыхаться не перестала, как я уже картошки набрал – так быстро я управился. И хоть торопился за стол, даже фанерку на место положил, чтоб корнеплод не зацвёл. Ну, секунд 19—20 у меня ушло. Следственный эксперимент ставили, проверено. Выхожу и вижу, как друзья мои поначалу застыли, рты разинув и глаза повытаращив, словно монстра увидели. В первые мгновенья я ничего не понял. Потом испуг взял: что, думаю, со мной такое случилось? Ко мне все бросились, шупают, обнимают, спрашивают наперебой. Любовь моя на мне висит, плачет навзрыд, корит за что-то. Сам же понять ничего не могу. И меня стал охватывать ужас. Из обрывочных реплик начинаю догадываться, что произошло. Первая мысль – меня разыграть решили! Ну, уж если так, то такую сцену надо долго готовить, репетировать, да чтобы девчонка так натурально плакала – не поверю! И тут я начинаю обращать внимание на многие шокирующие детали. Шашлык давно готов. Вместо весёлого костра зола еле тлеет. Все взмылены, а не такие холёные, как полминуты (!) назад. И самое главное – солнце! Солнце не в зените! Тень от дома легла на мангал, хотя только что он на самом пекле стоял. На часы смотрю и глазам не верю. Точного времени не засекал, конечно, но периодически следить за минутной стрелкой стало давней привычкой. Тут у меня ноги и подкосились. Я сел на лавку, а у друзей настроение сменилось, вижу не то что-то. Оказалось, меня самого теперь заподозрили в мистификации. Только девушка в руку мою вцепилась, словно боится, как бы я снова не исчез, в глаза смотрит, всхлипывает и приговаривает: «Я от двери от той взгляда не отводила. Они все бегали, а я здесь сидела и смотрела тебе вслед...». «Неужели все два с половиной часа?» – спрашиваю. Друзья замолчали, стыдно стало. Действительно, каждый из них поймал себя на том, что за девчонку переживал, как она от сарая не отходила до самого конца. Только в последнюю минуту присела от бессилия и горя...

Долго мы потом обсуждали это событие, даже экспериментировать не побоялись. Да что там говорить! До сих пор ни у кого из головы тот случай не выходит. Главный вопрос: где я был? Или так – где были два с половиной часа двадцать человек, в то время, когда на считанные секунды отвернулся я?

Не было ответов на эти вопросы, как и на множество других, часто возникавших в моей жизни и до, и после описанного случая. Я словно магнит притягивал к себе всякие чудеса и труднообъяснимые явления. Последние годы я перестал реагировать на многие подобные вещи, а особенно рассказывать о них кому-либо. По разным причинам. О большинстве из них догадаться не сложно. Малоознакомые люди вообще клинику заподозрить могут.

Ну, а вот совсем недавно произошла целая цепочка взаимосвязанных событий, о которых умолчать, или не попытаться описать их, было бы, по меньшей мере, несправедливо. Несправедливо по отношению к тем, кто мучительно ищет ответы и не находит их.

Я свои ответы нашёл, и в том числе на вопрос: «куда подевались те мои два с половиной часа?».

В моём произведении имена реальных персонажей изменены, как и названия городов, если они встречаются, организаций и многого другого. Среди героев романа есть и прототип вашего покорного слуги. Но под чьим именем – я не признаюсь читателю. Пусть каждый догадывается сам.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Первые загадки

Монолог Неизвестного (начало)

Перед тем, как ответить на «сигнал вызова», я упорно хотел завершить начатую мысль, будто готовился к важному экзамену и заранее предполагал, что один из вопросов выпавшего билета может застать меня врасплох. А вопрос таков: «Что я переживаю ТАМ?». Мне важно было сформулировать это прежде всего для себя самого.

Итак. Мне никак не удавалось подобрать слова к тому чувству, которое я ощущал. И ничего лучшего, кроме как «расширение» пока не нашёл. Всё очень просто. Что мы испытываем в обычной жизни? Силу тяжести, гравитацию. Точнее сказать, не испытываем («испытываем» и «пытка» – однокоренные слова), а подвергаемся ей. Перманентное гравитационное влияние на людей столь же привычно, как время – вроде знаешь, что оно есть, а «пощупать» не удаётся. Сила тяжести. Встать, побежать, сесть, лечь, упасть, взлететь... Мы не задумываемся, что во всех этих действиях участвует именно гравитация. Она не оставляет даже космонавта в невесомости, поскольку он все равно о ней думает, осознавая её непривычное отсутствие.

Я же пребывал в среде, которой были в равной степени чужды и законы гравитации, и невесомости. Как это описать? Ха! В этом-то вся и сложность. Когда я устал безрезультатно перебирать в голове все известные слова, понятия, определения, когда совсем отчаялся найти знакомые всем ощущения, способные хоть отдалённо намекнуть на те, что переживал сейчас сам, на ум пришло единственное: «расширение». Крайне приблизительное и условное обозначение моего состояния. Я словно безмерно и стремительно расширялся, увеличиваясь и в физическом смысле, и в каком-то внепространственном. Здесь тебе и движение, и покой в одном флаконе. Движение в виде «расширения» заменяло собой привычные традиционные действия с участием мышечного напряжения, а покой олицетворял мою абсолютную телесную обездвиженность. Я не махал руками, не напрягал ни один мускул, не вертел головой, не моргал, но в то же время постоянно «нёсся» во всех направлениях сразу. Это явление, если специально не фиксировать на нем свое внимание, было столь же привычно и почти незаметно, как гравитация. Знаете, если долго и пристально смотреть сверху на бурлящую вследствие восходящего потока воду, начинает казаться, что она постоянно увеличивается в объеме. Что-то похожее, но очень далёкое от истины. Или. Показавшийся из-за горизонта первый луч Солнца на востоке, постепенно заливающий светом все вокруг и при этом становящийся все более ярким. Можно было бы сравнивать себя с вырвавшимся из заточения сгустком плазмы в момент взрыва водородной бомбы, но не стану – слишком мрачно, и, опять-таки не точно по причине конечности даже такого жуткого процесса, а вот с расширяющейся вселенной – куда ни шло. С кругами на воде, с клубами пара, с поднимающимся тестом... И всё же фантазии не хватает. Есть вещи настолько уникальные и ни с чем не схожие, что натужное сопоставление их с другими вещами становится делом совершенно неблагоприятным.

Приобретя некоторую сноровку в своём новом положении и отдавая себе отчет в том, что в «традиционном» понимании ты умер, я обнаружил, что не один. Присутствие других людей не просто ощущалось, осознавалось или каким-то иным способом давало о себе знать, оно просто было. Как само собой разумеющаяся данность. Они (люди) тоже «расширились», были далеко и одновременно близко, пронизывали друг друга, переплетались своими «частичками» с частичками других и тебя самого в том числе. Однако же я не лишён был индивидуальности, а люди мне никак и ничем не докучали. Вам докучают клетки вашего организма? И вы ведь не ставите знак равенства между собой и ими? А вездесущие микробы? А люди и животные, населяющие планету? То же и здесь. Если о них не думать, и быть настроенным на комфорт

от одиночества и тишины, то эффект отождествления тебя-единственного со всем мирозданием достигался без напряжения.

Но стоило только приложить наночастичку своей воли, легонько шелохнуть самым тонким волоконцем духовного намерения, как тут же ты оказывался в компании: одного «попутчика» или всех сразу – зависело от этого самого намерения. Как так? Увы. Это объяснить ещё более трудно.

И вот что самое интересное. Только здесь обнаруживаешь, что смерти нет. Все окружающие тебя, такие же люди, как и ты, в равной степени мертвы и живы одновременно. Кто-то из них давно умер на земле, кто-то ещё не родился, кто-то живёт сейчас, а иной, как заведенный, скачет по разным воплощениям – умирая и рождаясь вновь. Но здесь, я повторяю – здесь, где я нахожусь, – никакой пульсации жизни и смерти нет. Вечное бытие. Так понятно? Каково оно? О! Это тема. Но не для теперешнего разговора.

Ну, уж очень ЕЙ хотелось «выйти на связь» со мной. Я это сразу почувствовал, задолго до того, как в моём путешествии наметились основные направления и задачи. Пребывая ещё в своеобразной прострации, я почувствовал некий мощный посыл-призыв и без колебаний отозвался на него. ОНА задавала чересчур много вопросов сразу и вряд ли бы переварила ответы на них, поскольку не была ещё готова к такому объёму новой информации. И, естественно, я решил пойти от простого к сложному.

А самый примитивный вопрос был такой: «Ты умер?». Вопрос наипростейший. Но ответ на него не мог быть однозначным. И я, понимая всю условность нашего диалога, ответил: «Я здесь, рядом, и испытываю новые для себя ощущения. Оказывается, смерти нет. А случившееся со мной на земле – необходимый переход на другую колею. Да ТЫ и сама всё знаешь. ТВОЙ вопрос: „Ты умер?“ скорее риторический. В нём слишком очевидно звучит сомнение. *Совсем мёртвым* таких вопросов не задают. *Совсем мёртвых* попросту не существует».

Второй вопрос: «Ты вернёшься?». О, *santa simplicitas*¹! А как там моё биологическое тело? Кто-нибудь его видел? Разве его клетки ещё сохранили функциональность и связи между собой? И разве патологоанатомы не потрудились так, что даже сами не смогут собрать разобранный ими конструктор, пропитанный формалином? Кстати, несмотря на этот замечательный консервант, процессы разложения исправно начали своё необратимое дело, пусть со скрипом, но начали. Впрочем, если бы я сильно захотел и постарался вернуться в прежнее свое обличье, у меня, наверное, это получилось. Но какое удовольствие усесться за руль попавшего под пресс и тронутого ржой твоего некогда любимого Мерседеса, предварительно искромсанного газовым резаком и разобранным на запчасти? И вообще, где у него там руль? Даже Иисус Христос не стал утруждать себя в момент воскресения: старое истерзанное тело просто утилизировалось, распавшись на субатомарные и волновые структуры. Лишь ради своих учеников, в частности, таких, как апостол Фома, наш Господь на короткое время воссоздал временную, но узнаваемую оболочку-имитацию. Без нее обойтись было нельзя – не все же имели способность видеть фаворский свет.

Так что в прежнем виде я не вернусь. Хотя... Была бы оправданная необходимость, всё возможно. Тут надо подумать...

На третьем вопросе я застрял. «Этого можно было избежать?». Избежать...

Первая встреча с одним из главных действующих лиц

Апрельское солнце как никогда припекало. Обонянию весна являла характерную смесь раскисшей земли, парящего асфальта, тающего снега, пропитанного за зиму городской гря-

¹ *santa simplicitas* – святая простота (лат.)

зью, солью и песком. За проходящими мимо женщинами стелился эротический шлейф духов, гормонов и надежд. Молодые и уверенные в себе особы торопились сменить зимний гардероб на почти летний, откровенно игнорируя демисезонную фазу. Короткие юбчонки, колготки телесного цвета, туфли на шпильках, распущенные волосы, вызывающий макияж.

Одна из центральных улиц города, захлебнувшись пробкой, стояла. Водители разглядывали прохожих с куда большим интересом, чем ещё месяц назад. То тут, то там раздавались короткие гудки клаксонов, и чаще не от раздражения, а от неудержимого игривого восторга, адресованного каждой второй проходящей мимо юбке.

Макс стоял как раз в таком месте: недалеко от сложного перекрестка, на остановке общественного транспорта, напротив главного корпуса университетского городка. В трех метрах группа веселых студенток то и дело взрывалась беззаботным звонким смехом. Яркая блондинка, обращенная лицом к Макс, стреляла на него похотливыми глазками и периодически склонялась к уху соседки, стоящей спиной. Но та не решалась повернуться, хотя плечами рефлекторно поводила и косила глаза. Потом как бы случайно переступила с ноги на ногу и оказалась вполоборота к объекту интереса подружки. Однако «объект» отошел подальше и встал у самого бордюра, сосредоточенно вглядываясь в окна медленнодвигающихся машин. Будоражающая весенняя атмосфера не могла совладать с мрачными мыслями Макса. Сейчас ему было не до любви, не до секса, не до новых приключений и головокружительных романов. Предстояла неприятная встреча. Назначенное время уже прошло, но звонок по мобильнику, раздавшийся три минуты назад, подтверждал, что договоренность в силе, и всему виной дорожные пробки.

Поскольку марка автомобиля заранее не была известна, распахнувшаяся дверца грязной Лады-Калины, вызвала легкое удивление.

– Запрыгивай! – весело ощерился небритый мужчина в бейсболке и черных очках.

Макс сел в машину, мельком взглянув на игривых девчат. Те разочарованно посмотрели ему вслед и, встретившись с брутальным парнем глазами, поспешно напустили на себя искусственную серьезность вперемешку со скукой.

– Каковы планы? – спросил хмурый человек за рулем «Калины», неизвестно к кому обращаясь.

– К Шепелю сразу поедем, там разберемся. Он ждет, я звонил, – бодро откликнулся небритый пассажир с заднего сиденья и жизнерадостно толкнул локтем Макса. – Знакомые тёлки?

– Нет. Просто пялились на остановке.

– Во, парень! Такие бабы на него пялятся, а он монаха из себя строит.

– Да какой он монах? – включился в разговор пожилого вида мужчина, сидящий рядом с водителем. – Я слышал, у него в Москве личный гарем в двух общагах уже не помещается.

– Что, правда, Макс? – развеселился небритый.

– Шепель знает, что я завтра улетаю? – спросил Макс, проигнорировав легкомысленную тему и прозвучавший вопрос.

– Знает, – немного посерьезнел небритый. – Потому и позвал. Дело у него к тебе новое есть.

Наступила пауза в разговорах, машина наконец свернула на светофоре, вырвавшись из сплошного потока. Преодолев приличное расстояние, спутники оказались на трассе, ведущей за город.

Высокие металлические ворота в глухом трехметровом кирпичном заборе открываться не торопились. После долгих согласований по телефону и переговоров с охранниками хозяином презентабельного особняка разрешено было впустить только двоих: небритого по кличке Пашехон и Макса. Пожилой пассажир, кряхтя, вылез из машины, и принялся разминать спину.

Водитель распахнул дверь, закурил, оставаясь на месте, и безразлично глядел, как закрывалась калитка за двумя вошедшими внутрь. Мелькнул краешек гигантского мощеного двора.

– Не любит меня Шепель, игнорирует, – пробурчал себе под нос пожилой.

– Да кто тебя любит, Вова? – сплюнув, сказал водитель и аппетитно-шумно затянулся табачным дымом.

Несмотря на множество роскошных залов и комнат, приём гостям был оказан в кельеобразной комнатухе на первом этаже со сводчатыми потолками и отделанной весьма скромно. Правда чистота, полумрак, аквариум в стене и миниатюрный камин создавали необходимый уют для доверительной беседы. Мягкий диванчик, два кресла и круглый низенький столик – вся мебель помещения. Хозяин – лысеющий, розовощекий, простодушный на вид, от силы лет сорока пяти, в узких очках, еле держащихся на кончике тонкого носа, – пожал руку сначала Макс, потом его спутнику и пригласил рассаживаться.

– Давайте коротко, по-деловому, – начал он, скрестив руки на груди и меряя шагами пол: пять шагов вперед, пять назад. – В чём проблема, Максим?

– Проблема в том, что я не подвизывался удовлетворять амбициозные прихоти ваших подопечных.

Небритый нервно качнулся в своем кресле, куда он сел после того, как Макс избрал диванчик. Шепель поднял брови, глядя в пол, и на мгновение приостановил свой размеренный шаг. Макс выдержал паузу и продолжил:

– Меня просили об услуге, я её выполнил. Выполнил, больше выказывая свое уважение к вам, чем преследуя какие-то свои интересы. Кому-то этого показалось мало, и, я считаю, жадность до халявы заставило ваших друзей прицепить бесплатным довеском свои нелепые просьбы. Вы лично давали на них свои санкции?

Шепель молчал. Макс упорно вторил ему – также молчал. Наверное, в глазах «небритого» это выглядело невероятной наглостью и даже дерзостью. Он качнулся снова и опустил лицо в пол, как страус прячет голову в песок.

– Хорошо, Максим, я признаю некоторую несанкционированность допзаказа. Но мои интересы в нем определенно предусматривались. И ты не мог не знать, ну, уж по крайней мере, не догадываться об этом. Как быть с этим?

– Я прагматик, Никита Иванович. Возможно, педант в некоторых вопросах, особенно там, где лично я рискую больше, чем получает выгоду мой заказчик. Поэтому Ваше фактическое подтверждение своей причастности к довеску для меня было вопросом принципа. Его я не получил.

– Ты мог позвонить!?! – немного визгливо, на пределе возможностей голосовых связок выкрикнул Шепель, тут же взяв себя в руки, и продолжил предельно спокойно. – Я ведь ждал твоего звонка. Это было бы разумно – позвонить мне с уточнениями заказа. Ты ведь не робот, не компьютерная программа, где каждое действие должно подчиняться жесткому алгоритму. Есть сомнение – набери номер. Что может быть проще? Зачем усложнять ситуацию? Был бы звонок, не было бы сейчас и этого разговора.

Макс встал, что, видимо, выходило за рамки принятого здесь протокола, остановив тем самым мерное расхаживание хозяина.

– Я не стремлюсь к признанию моего авторитета выше, чем его оценивают в той или иной компании. Но если он признаётся не в той мере, в какой его осознаю я сам, я просто расстаюсь с компанией.

Небритый и вовсе теперь являл собой бесформенный комок, слившийся с креслом.

Шепель и Макс стояли лицом к лицу и смотрели друг на друга. Взгляд одного из-под тонкой золоченой оправы очков был надменным и вызывающим. Другого – не выражал ничего. Он

проходил сквозь стоящего напротив и рассеянно устремлялся на что-то, находящееся далеко-далеко позади хозяина дома.

– Аграфентов! – рявкнул Шепель, обращаясь к небритому. Тот встрепенулся и встал тоже. – Ты знал, что Вова проявляет излишнюю инициативу?

– Сегодня узнал, Никита Иваныч. Вовик сам мне признался, когда вы велели его с собой прихватить, – подобострастно ответил небритый. – Он в машине сидит. Позвать?

«Схватка взглядов» внезапно прекратилась, теперь и Шепель, и Макс одновременно посмотрели на Аграфентова.

– И в каких же словах он признался тебе? – на одной пятке повернувшись к небритому, спросил хозяин и заложил руки за спину.

– Один хрен, говорит, Максику шеф все проплатил, пусть-ка и мое дело заодно устроит. В смысле он мне признался, что так подумал тогда...

– Когда?

– Когда у Макса получилось... Ну, это...

– А кто знал?

Аграфентов молча, опустил голову.

– Кто знал, ЧТО там у него получилось, я спрашиваю?! Ты знал, морда! – Шепель схватил своими холеными пальцами небритый подбородок Аграфентова, – Кто тебя просил болтать?! Язык отрезать? – и помолчав немного, брезгливо закончил: – У, клоун.

Шепель набрал номер по мобильнику и сказал одно лишь слово в трубку: «Отбой». Повернулся к Максиму, обращаясь явно не к нему:

– Максиму проплатить дополнительные услуги. Вову наказать на двойную сумму. Будет впредь бежать впереди паровоза – раздавлю. Всё понятно?

– Всё, Никита Иваныч, понятно, сделаем, – отозвался Аграфентов.

– Тогда всем спасибо, провожать не буду, дороге сами найдёте...

И уже удаляясь в неприметную дверь, внезапно обнаружившуюся в дальнем углу комнаты за тяжелой портьерой, добавил – Да! Максима проводить, как полагается.

Рассказ от первого лица

Разве мог я тогда догадываться, куда попал?

Ранняя весна, снега почти не было, хоть и слякотно вокруг. Однако тепло. Я в каком-то драном, длинном пальто без подкладки, темные брюки из плотной ткани, на голове шляпа. Стою на остановке напротив автовокзала. Знаю, что надо ехать, но забыл номер автобуса. То ли рейс 35, то ли 53. Хорошо хоть соображал, куда направляюсь – домой, в Елшанку – окраина города. Далековато, да и есть ли прямой рейс в тот район? Ничего не знаю. Отвык от общественного транспорта.

Народу мало. Странно. Несколько человек отрешенно смотрят вдаль. Мучительно вспоминаю, откуда я возвращаюсь. В голове вертится: отец, отец. Что отец? Еду от отца? Он ведь умер. Кладбище в другой стороне. Да нет же, я с живым разговаривал. Он что, в больнице? Мой отец в больнице? С чем? С инсультом, от которого скончался, не приходя в сознание, после трёхдневной комы пять лет уже как? Что-то не так. Кажется, он мирно проживает где-то недалеко, тут же рядом с автовокзалом. Или работает здесь. Фу, чертовщина какая-то...

Подходит автобус. Пытаюсь разглядеть табличку с номером автобуса, надеюсь, что на ней будет указан пункт прибытия. Не успеваю, несколько человек запрыгивают в салон, и я с ними. Знаю, что с автовокзала дорога одна. Надеюсь как-нибудь сориентироваться. Погляжу в окно, город хорошо знаю, разберусь по ходу.

Но не тут-то было. Чуть замешкался и вижу, автобус уже катит по какому-то грязному, утопающему в большой маслянистой луже помосту – не то железному, не то деревянному. Вокруг странный и незнакомый пейзаж, больше похожий на территорию заброшенной нефтебазы. Вдали видны дома-высотки, освещенные солнцем.

Едем. Поглядываю на скудных и молчаливых пассажиров. Ищу, у кого спросить, доедем ли до Елшанки, или хотя бы до 3-й Дачной. Почему-то не решаюсь. У всех лица отрешенные и мрачные. Смотрю по сторонам, не узнаю ни одной улицы. Едем не долго. Как такого города не вижу, короткие улочки с одиночными покосившимися домишками, пустыри, маленькие кварталчики, наглухо огороженные тёсом. Первая же остановка заставляет меня поторопиться выйти, тем более замечаю, основная масса пассажиров спешно выходит здесь. Но на конечную не похоже, уж слишком короткий маршрут получается для нашего-то большого города.

Итак, я стою на небольшой асфальтированной площадке. Автобус делает крутой разворот и куда-то уезжает, но не в противоположном направлении – что-то отвлекает меня – и я не успеваю заметить в какую сторону. По левую руку от меня – двухэтажный длинный барак из потемневшей от времени вагонки, мрачный дворик, по правую – нагромождение не то торговых палаток, не то недостроенных приземистых павильонов. Напротив – полусферическое сооружение с широким парадным входом, напоминающим вход в станцию метро. Захожу. Небольшой тамбур с тремя дверями. Левая открыта, направляюсь в неё. Вижу достаточно просторное помещение, похожее на кафе. Посетителей нет. В дальнем углу нечто вроде барной стойки. За стойкой молодой мужчина, протирает тряпкой полки и посуду.

– «Пэл Мэл» есть у вас?

Бармен смотрит на меня вроде бы и дружелюбно, но от вопроса несколько мрачнеет – или мне только кажется. Смотрит на скудные витрины, нехотя машет рукой на полку, где лежали всего два или три вида курува. Пачки незнакомые, но выдающие что-то простенькое, не «Прима» и не «Памир», а возможно, и папиросы.

– Только это, – мрачно отвечает мужчина, словно я задел его достоинство, потребовав что-то недозволенное здесь или никогда не водящееся в продаже. Весь его вид выразил, что

я здесь человек явно чужой, и как тут оказался – непонятно. Чуть ли не мысли его читались: «Ходят тут, богатенькие».

Я мысленно окинул себя взором, ничего вычурного ни в одежде, ни во внешности моей я не нашёл. Напоротив – одет..., ну, если не как бомж, но как бродяга. А поскольку местность напоминала скорее гетто, чем цивилизованный квартал нашего города, я счёл, что выгляжу соответственно и вполне сойду за местного жителя – некоторые из них попались мне на глаза по выходу из автобуса.

– Ничего, давайте, что есть. Я люблю и такие, – изобразив покладистость, среагировал я на ситуацию, которая начала меня сильно беспокоить. Но вместо ожидаемого, я получил отпор:

– Вам не сюда. Дверь прямо, в арку, – махнул головой бармен в сторону тамбура, из которого я прошёл сюда.

Я не стал упрямыться, и, ничего не понимая, поспешно вышел на улицу. Проходившая мимо женщина отпрянула от меня, лишь только я хотел задать вопрос, где трасса, ведущая к центру города. Отпрянула не боязливо, как от прокажённого, а пренебрежительно, как от человека, только что обидевшего весь квартал.

Бармен предложил пройти в арку. Я вновь обернулся ко входу в куполообразное сооружение и ступил в тот же тамбур. Итак, слева – дверь в бар, справа – задраена наглухо и, похоже, открывается редко. А прямо – действительно арка. Захожу с нарастающей тревогой в душе...

В полумраке вижу тесное почти квадратное пространство, сводчатый высокий потолок. Справа обнаруживается зев тоннеля, подобного метрополитеновскому, но рельсы, если они и есть, укрыты толстым слоем черной грубой ткани, наподобие драпа или сукна. Тоннель слабо освещён рядом тусклых лампочек в стене, уходит с изгибом во мрак. Явно не функционирует и не является даже пешеходной зоной.

Слева – стена такой конструкции, словно когда-то здесь было продолжение тоннеля, однако вместо него – сложный переплёт с матовым стеклом в непонятных разноцветных узорах. За стеклом, видимо, источник искусственного света, скорее всего со стороны бара, где я только что побывал. Создавалось впечатление, что некогда функционирующий тоннель демонтировали на каком-то отрезке и оборудовали выход наружу, через который я вошел. В результате реконструкции участка тоннеля возникла комната, полы которой выложили грубой керамической плиткой. Вот на этой плитке сейчас я и стоял, разглядывая нескольких странных женщин. Их было шестеро-семеро. Молодые и среднего возраста. Все уставились на меня.

– Тут транспорт ходит? – спросил я. – Мне бы до Елшанки...

Одна, молодая, лет двадцати пяти, удивленно задала вопрос:

– Вы что, без талона сюда добрались?

– Какой талон?

И тут я почувствовал страх. Он исходил от женщин. Они хоть и молчали и внешне никак не реагировали, но по тщательно скрываемому напряжению я понял, что мое появление здесь – большая оплошность и недопустимое нарушение каких-то страшных правил.

– Мне бы уехать как-нибудь, – растерянно пробормотал я, стараясь выглядеть максимально миролюбиво.

Одна из женщин с разукрашенным по-маскарадному скулами и лбом (возможно, это был татуаж), как-то странно приблизила своё лицо к моему, словно вглядывалась в глаза или прищипывалась, потом потянулась ко мне щекой...

– Нет! – резко произнесла она, отпрянув и обращаясь к остальным. – Нельзя, он мне не нравится, что-то не так, не верьте ему, я чувствую не те мысли.

– Да я никаких плохих намерений не имею, что вы! – попытался улыбнуться я. – Я, видимо, случайно сел не в тот автобус...

Дородная бабёнка средних лет укоризненно покачала головой. Мрачная безысходность повисла в воздухе. Я начал догадываться, что попал в зону, тщательно скрываемую от другого населения города. Здесь всё было пронизано какой-то жуткой тайной.

Странные особы прятали от меня глаза, кто-то отошёл в сторонку, кто-то отрешённо повернулся ко мне спиной.

– Девочки, подскажите, как выбраться отсюда. Я уеду и всё забуду. Я никого из вас не видел и даже не был здесь... Да я и не понял ничего. Приснилось мне, – пытался я задобрить растерянных женщин.

– Он выдаст нас, это не просто так, – услышал я приглушённую чью-то фразу.

– Да, блин, я случайно здесь! – взмолился я. – Как выбраться – скажите, и я уйду навсегда, и дорогу забуду...

– Вот это правильно. Только к менеджеру тебе надо, – сказала равнодушно одна.

– Кто это? – напрягся я.

– Не волнуйтесь, – усыпляя мою бдительность, почти ласковым тоном произнесла другая женщина, ранее молчавшая, лет 35, – менеджер решит ваш вопрос. Так надо. Идите, ничего страшного, – и легонько подтолкнула меня в сторону распахнувшейся во внутренний дворик до сих пор не замеченной мною низенькой дверцы в стене.

Я шагнул обречённо во двор, где ещё лежал снег. Дверь в помещении напротив уже была открыта. Преодолев на ватных ногах несколько метров – дворик был крохотный, – я заглянул внутрь. Меня вновь подтолкнула сзади все та же женщина.

– Вот менеджер, вам к нему, – скороговоркой тихо выпалила провожатая и, как мне показалось, испуганно удалилась прочь.

Запах мясной лавки ударил в нос. Из-за тяжелой широченной занавеси выглянул мрачный сутулый человек в длинном прорезиненном фартуке зеленого цвета и с бойцовскими перчатками на руках. Он что-то пробормотал, явно приглашая сделать ему навстречу несколько шагов подалее от входной двери. Приблизившись к нему, я услышал что-то вроде: «Слушаю вас, какие проблемы?»

– Я оказался здесь случайно, даже дорогу не запомнил, а мне в Елшанку...

Не успел я договорить, как получил два сокрушительных удара в челюсть, в голову. Почему-то первой мыслью было: «Ограбят». Во внутреннем кармане пальто лежало портмоне с двадцатью тысячами рублей. Вторая мысль: «Убьют».

Я упал в белую жижу, разлитую на полу, молоко или белила – так мне показалось. А вокруг – россыпи не то муки, не то крахмала. Я барахтался в этой мерзкой луже, запутавшись в полах пальто, и стонал, а «менеджер» продолжал меня избивать. Теперь в одной руке у него была увесистая палка, наподобие биты, только конец её увенчивал конусообразный набалдашник с остриём, направленным в меня. Во второй руке – гнутая хворостина, похожая на короткое удилище. Я притворился потерявшим сознание, стараясь выиграть тайм аут. В душе неприятно ворошилось сожаление: зачем позволил напасть на себя, вместо того, чтобы атаковать первым. Но кто знал, что всё произойдёт так быстро. И что намерения менеджера не оставят мне выбора. «Бита» охаживала мои бока, а хворостиной мужик с садистским равнодушием тыкал в меня, стараясь попасть концом в мою поясницу или чуть ниже. Я чувствовал эти, казалось, безобидные тычки, и не понимал их смысла. Однако ощущение растущего онемения в теле и одновременно возникшая мысль, что внутри хворостины проходит трубка, заканчивающаяся тонкой иглой, повергли меня в животный ужас. Меня убивали с сатанинским спокойствием и с неизвестными мне целями.

Я взмолился о пощаде, как можно более плаксиво и жалобно, демонстрируя всю свою беспомощность и покорность судьбе. Потом заохал, и начал обмякать, имитируя паралич. Хотя и без всякой имитации, он, возможно, был уже близок. Что мне впрыскивали – откуда бы знать? Смертельный, усыпляющий или парализующий препарат?

Бороться! Плевать на все, даже если не получится, бороться! Даже если у них нет намерений убить меня! А если и не убить, то что тогда? Отключить память и выкинуть куда-нибудь в городе? Чепуха! По всем признакам, они не станут себя утруждать таким милосердием. Убьют, расчленят, съедят, пустят на фарш и – на рынок, продадут на органы, да мало ли что ещё! Бороться.

Я судорожно дернулся, скрючился, и завалился на бок, лицом к своему мучителю. Он с параноидальной методичностью продолжал тыкать в меня своей «булавой» и «удочкой» поочередно...

Изловчиться и выхватить «булаву», барахтаясь и скользя в молочно-мучной жиже? Неудача – смерти подобна. Ноги «бойца» далеко – не подсесть, не ухватить.

В момент, когда палка в очередной раз уткнулась в мой бок своим конусовидным острием, я пропустил её под рукой, прижал левым локтем к телу, а правой рукой крепко ухватился за древко. Молниеносным рывком я выдернул палку из скользких перчаток. Человек качнулся в мою сторону. Он не успел мобилизоваться. А я с опорой на лопатки распрямил напружиненное тело и выбросил левую ногу. Удар тупого носка моего зимнего ботинка угодил точно в гладко выбритое лицо. Правая нога ударила в область голеней моего противника. Он постарался удержать равновесие, но мне хватило времени оказаться в вертикальном положении. Одновременно булава, описав в воздухе полукруг, своей рукояткой хрястнула в челюсть «мясника». Меня охватила звериная ярость. Страх потерять сознание от хитроумных инъекций заставил действовать быстро и наверняка.

Через минуту все было кончено, хотя остановить мне себя было нелегко. Менеджер с раскроенным черепом и лицом, представляющим из себя молочно-красное месиво, лежал у моих ног. По агонизирующему телу ещё пробежала мелкая судорога, ступня, обутая в черный кроссовок, ритмично дергалась в грязно-белой луже.

Меня колотило в ознобе. Я озирался, высматривая подобие оружия. Помещение в чернеющей глубине сужалось и уходило куда-то вниз. Там проглядывался покатый спуск в подвал. Исследовать его ни времени, ни желания не было. На улице, если маленький дворик снаружи можно было назвать улицей, слышались мужские и женские голоса. Мое тело стремительно слабело. Бежать в подвал, оставляя за собой кроваво-молочный след? Я схватил бывшего менеджера за ноги и быстро поволок его вглубь помещения. Похоже, здесь никого больше не было. И слава богу.

Опомнившись, я бросил свою жертву и стремглав метнулся к входной двери – кажется, на ней был запор. Когда та коварная баба ушла, дверь хлопнула за моей спиной, лязгнув железом. Так и есть – задвижка. Я дернул её слишком сильно, громыхнуло так, что голоса стихли. Плевать. Только сейчас, возвращаясь к трупу, я увидел на стене, возле которой встретил меня менеджер, телефон: старинный, какие висели раньше в телефонных будках, а точнее на заводских проходных – из черного эбонита, с огромным диском и полустертými цифрами в его отверстиях. Звонить? Куда? Да и что это может быть за телефон? Местный коммутатор? Но и сотового со мной не было. Кстати, где он? Ведь я не расстаюсь с ним никогда. Странно. Все странно.

Кто-то подергал за ручку двери снаружи.

Через мгновение я стоял между рельсами одноколейки в таком же тоннеле, как десять минут назад. Куда девать труп, я не знал. Ни чанов, ни баков, ни ящиков, ни укромных закутков здесь не нашлось. Но откуда-то ведь шёл запах разделанной несвежей туши! В потёмках не очень-то осмотришься. Лишь рельсы поблескивали в свете далекого и одинокого фонарика, торчащего из потолка в глубине тоннеля.

Я отпустил ноги бездыханного тела и, перемахнув через деревянную конструкцию тупикового упора, кинулся бежать по промасленным шпалам...

* * *

Одинокая лампочка осталась далеко позади, тоннель уже описал треть окружности с радиусом в полкилометра, наверное. Ни шороха, ни движения воздуха. Затхлый запах сухого подвала с примесью мазута. Уж лучше, чем тошнотворный трупный. По всем признакам, я это ощущал животным инстинктом, впереди – либо тупик, образованный завалом, а то и глухим рукотворным заграждением, либо герметичная дверь. Как далеко – интуиция молчала. Ширина одноколейки стандартная, а то и чуть уже. Что за транспорт мог ездить здесь? Размеры тоннеля явно уступали метрополитеновским. Высота потолков – от силы метра три. Вагонетки? Пассажирские вагончики? Дрезины? Полированная поверхность рельсов указывала на их постоянное использование. Вдоль вогнутых стен тянулся единственный жгут кабелей. Ни развилки, ни проемов, ни дверей. Видеть я уже не мог, лишь изредка скользил рукой по шершавой бетонной поверхности и прислушивался к эху разнообразных звуков, вызываемых моим теперь уже осторожным продвижением вперед. Одолевали сомнения – правильно ли я действую. Может, надо было броситься напролом в обратном направлении? Знать бы куда!

Ноги, хоть и оставались несколько онемевшими, но все же усталости не испытывали, да и сам я чувствовал себя вполне здоровым. Выброс адреналина сказывался? Немного побаливала челюсть и «тукало» где-то в затылочной области, как раз в тех местах, куда пришились два первых удара, смягченные перчаткой-митенкой. Для стратегических размышлений – откуда и куда я попал, что предшествовало поездке на автобусе, и вообще, что со мной случилось – ни времени, ни вдохновения не было. Волновал лишь один тактический вопрос – как отсюда выбраться? Спиной я чувствовал опасность, а впереди – неизвестность. Имя свое я помнил, где живу и с кем – тоже. Что все происходящее не сон – сомнений не вызывало. Трезвость ума вернулась окончательно, когда акустические эффекты стали стремительно меняться. Впереди явно что-то было.

Непроизвольно я начал издавать высокие «цыкающие» звуки, уподобившись летучей мыши с её эхолокацией.

Так и есть. Я вздрогнул, когда вытянутая вперед рука коснулась холодного твердого препятствия. Что-то крупное металлическое стояло на рельсах. Обходя сбоку объект и обшаривая его поверхность двумя руками, я шаркал спиной по стене. В воображении нарисовался образ вагончика, в каких катают детей на аттракционах. Пройдя дальше, я определил, что таких вагончиков несколько. В них имелись двери, правда, закрытые. На каждой из них нащупывалось подобие ручки, но воспользоваться ею желания не возникало, дабы не нарваться на всякие неожиданности и не наделать шума. Окна, кажется, отсутствовали, до крыши дотянуться не удавалось – высоко. Может, её и не было вовсе. «Состав» насчитывал пять вагонов, заканчивался открытой платформой, скорее всего с механизмом управления. Что-то там выступало из нее, ладонь прошла по какой-то многочленной конструкции с разнообразными гранями, плоскостями, рукоятками-рычагами.

Я, не останавливаясь, стремительно двигался дальше. Ногой скользил теперь уже вдоль правой рельсы, изредка делая выпад в сторону стены, опасаясь пропустить дверь или лаз. Больше полагаясь на «звуковой навигатор», продолжал издавать тихие, но высокие звуки и максимально напрягал слух. Я даже слышал и чувствовал увеличивающееся расстояние до «поезда», оставшегося за спиной.

Яркая вспышка света далеко впереди заставила меня рухнуть на землю, вжаться в шпалы и перестать дышать. Тоннель ещё не завершил свой изгиб влево, так что непосредственный источник света, слава Богу, прятался «за поворотом», но хорошо озарял правую сторону тоннеля. Мой беглый взгляд ухватился за подозрительный проем в стене метрах в шести от меня. Рывком я кинулся к нему и... провалился в легко распахнувшуюся передо мной железную дверь. Вовремя. Петли не скрипели и позволили бесшумно притворить за собой дверь. К сожа-

лению, никакого засова на её внутренней стороне не нашлось. Узкий коридор позволял обеими руками перебирать по его стенкам, пока ноги осторожно ступали по твердой поверхности пола. Изредка под подошвами похрустывал мелкий шлак или керамзит.

Как не проявлял я осторожность, все же болезненно ткнулся лицом в какую-то перекладину, издавшую металлический низкий гуд. Вертикальная лестница. И больше ничего. Прямоугольный тупичок и вмонтированная в стену лестница, сваренная из толстого арматурного прутка.

Позади раздался громкий хлопок, раскатившийся эхом по тоннелю, и все подземелье гулко завибрировало, словно где-то включился тяжелый двигатель.

Лезть вверх долго не пришлось. Через 30—35 ступенек-перекладин лестница упиралась в самый банальный чугунный люк, какими изобилует любой город на своих дорогах, площадях и двориках. И самое удивительное, железяка относительно легко подалась вверх и в сторону под нажимом ладони. Никаких признаков ожидаемого свежего воздуха и дневного света органы чувств не уловили. Я прислушался. Ничего.

Через две минуты мои руки жадно трогали множество предметов в довольно просторном (судя по эху) помещении. Передвигаться было непросто – нагромождение столов, шкафов, стульев и полок на стенах громыхали при каждом прикосновении обилием звуков. Первое впечатление – скобяная лавка или даже мастерская по ремонту мелкой бытовой техники. Одержимый найти любой источник света, я суетливо перебежал от столов к стенам и полкам на них. Обостренные чувства в отсутствии основного – зрения – позволяли улавливать тончайшие запахи и звуки. Пахло канифолью, машинным маслом, эфиром, спиртом, керосином бумагой и типографской краской. К этому букету примешивался слабый запах людей. Не то чтобы грязной одежды, нестиранных носков, пота, мочи и прочих выделений..., а именно «человечины». Мы никогда не замечаем этого «духа», потому что привыкаем к нему, по большей части находясь среди подобных себе.

Гул и вибрация доносились и сюда. Упала какая-то склянка, звякнув осколками стекла. Нога задела стоящую на полу тяжелую картонную коробку. Я старался двигаться по периметру комнаты, держась правой стороны. Наткнувшись на узкую дверь и толкнув её, я понял, что за ней располагается саузел: пахло влагой, мылом и немного хлоркой. Рука нащупала выключатель, он не работал. Если есть проводка, значит, где-то должен быть распределительный щиток. Обычно его располагают ближе к входу. Но где он? Вряд ли у люка, откуда я поднялся сюда. Вход. Искать вход.

Обойдя почти всю комнату, я обнаружил четыре двери, у каждой из которых на уровне плеч имелись неработающие выключатели. Кроме стеклянной посуды – банок, графинов, колб, высоких лабораторных стаканов и прочей всячины – назначение массы других предметов трудно определялось на ощупь. На одном из столов было относительно пусто, кроме нечто похожего на телевизор или громоздкий монитор от компьютера. Пачка бумаги, несколько ручек в канцелярской подставке. Носок ботинка уперся в жестяной короб на полу. По форме – стандартный процессорный блок. Ну, конечно – куча проводов сзади. Под столешницей – выдвижная полка с клавиатурой. Ещё раз обшарив стол, я нащупал компьютерную мышь, а рядом... Трубка. Да, это была телефонная трубка от радиотелефона. Касание кнопок активировало их подсветку и небольшой зеленоватый дисплей. Send – тишина со слабым шумовым фоном. Гудка нет. Где-то находится базовое устройство и, конечно же, также обесточенное.

Используя трубку как фонарь, я осмотрелся вокруг. Много чего обнаружилось в слабом свете, но это не позволяло составить определенное мнение о назначении комнаты. На трех десятках квадратных метров практически не оставалось свободного места, как в мастерской сапожника или магазинном складе. Однако входная дверь определялась сразу. Я до нее не дошел каких-то полутора метров, двигаясь по периметру: она была обита на старый манер дермантином и запиралась на накладной замок. Изнутри его открыть не составило труда –

поворот пластмассовой «вертушки», и в нос ударил прохладный свежий воздух. На обратной стороне дверного полотна – плакат с изображением молодой Лаймы Вайкуле.

Однако до свободы, как я заподозрил, ещё было далеко. Дальний конец короткого коридора был зарешечен. Решетка, между прутьями которой можно было просунуть ногу, оказалась закрытой на амбарный замок, висящий снаружи. Я потрогал замок, свободно болтающийся в приваренных проволочных кольцах. Подёргал дверь, имеющую довольно большой люфт. Сердце забилося чаще, волна адреналина подступила к горлу. Я чувствовал близость свободы.

Грубо сваренная решетка представляла собой символическую дверь, отделяющую коридор от просторного холла, судя по эху. Осветить его полностью постепенно меркнущим дисплеем трубки не удавалось.

Бросив трубку в карман пальто, я взялся за решетку и приподнял её. Приличный зазор между верхним косяком и дверью позволил легко снять её с петель, не трогая замка. Сварщик-монтажник надо бы казнить за их работу. Но, сами о том не догадываясь, мне они оказали великую услугу.

Я не поленился вернуть дверь на место. Мало ли.

Из холла с одиноким дряблым диванчиком наверх вела бетонная лестница с перилами, вмонтированными в стены. Здесь гула и вибрации уже почти не замечалось. А может, они вовсе прекратились, и лишь остаточные явления в моем теле хранили память о них. Десяток ступеней – и снова дверь с точно таким же накладным замком, как внизу. Я прислонил ухо к прохладной крашеной поверхности и, задержав дыхание, прислушался. Может, и казалось, но мне послышалось тиканье часов. Осторожно повернув вертлужку, замок щелкнул два раза, и отвыкшие от света глаза мои невольно зажмурились...

Выйдя из настезь открытой кладовки, оклеенной обоями, я оказался в обыкновенной, скромной, но уютно обставленной квартире. В центре комнаты – круглый стол с белой длинной до самого пола скатертью и пустой цветочной вазой, люстра на побеленном потолке, Ковер на полу, ковер на стене. Старинные часы-ходики с гирьками, разве что без кукушки. Ряд книжных полок, платяной шкаф, сервант. Телевизор в углу на тумбочке, диван напротив. Что-то заставило меня снять ботинки. Рукавом я затер пыльные следы, оставшиеся от меня на полу. Держа ботинки в руках, я быстро обежал однокомнатную квартиру. Заглянул на кухню, пахнущую свежими щами. Небольшая кастрюля стояла на ещё теплой плите. В животе заурчало. Солонка и пепельница с окурком на столике. Низенький холодильник «Саратов». Запах табака. Из крана в мойке капала вода. Санузел смежный, источающий запах бритвенного лосьона. Крохотный тамбурок. Типичная хрущевка. По всему было видно: здесь жил мужчина, возможно, один. В прихожей несколько пар мужской обуви, куртка, пальто, зимняя шапка, кепка, бейсболка. На угловой полке – серый телефонный аппарат и открытая пачка сигарет «Наша марка». Я, словно попав в прошлое, уставился на глянцевый настенный календарь с молодой Аллой Пугачевой. Год 1990-й. Оглянулся на телевизор – «Акай». Таких сейчас не сыщешь. Дверь с глазком, я заглянул в него: лестничная площадка, первый этаж. Проглядывается подъезд. И в этот момент в него шумно ворвались с улицы трое мужиков и стремительно направились прямо ко мне. Рассмотреть людей я не успел.

Вступить в схватку? Ничего похожего на оружие я не видел. Ни палки, ни молотка. Если только нож на кухне в ящике? Некогда. Я положился на инстинкт.

Длинная скатерть скрыла меня полностью под круглым столом в центре комнаты. Только я успел подоткнуть под себя полы пальто, обнять двумя руками ботинки и затаиться, как в квартире загромыхали шаги.

– Разувайтесь мне тут! И тихо. Сейчас... – приглушенным голосом произнес один из троих, видимо, хозяин. – обувь в руки и вперед.

– Да нет, вряд ли.

– Посмотрим.

Все трое тяжело дышали.

– На четвёртом и пятом ничего нет, к Пименову шистовские побежали. Посмотрим, что у тебя тут, – кашлянув, сказал кто-то, и все гурьбой направились к кладовке. Хорошо, я закрыл за собой все двери. Может и пронесет.

– Тихо, ты, не колготись!

Это был голос первого, хозяина. Наступила тишина, в которой отчетливо клацнул металл. Затвор пистолета?

– Все, пошли. Тс-с.

Дверь в глубине кладовой осталась, по-видимому, открытой, поскольку хорошо были слышны шаги спускающихся в подвал. Потом будет холл, решетка, коридор, дверь с Лаймой Вайкуле и мастерская. А там – отсутствующая трубка телефона и разбитая пробирка, или что там я уронил. Заметят?

Ну и что теперь? Шаги затихли, донесся лязгающий звук – отпирали амбарный замок. Все, пора уходить.

В углу платяного шкафа наряду с кучей скомканных трикотажных штанов и грязных рубашек нашлось место для моего неуклюжего и заляпанного высохшим молоком пальто. Я закидал его чужими шмотками. Телефонную трубку сунул в карман брюк, портмоне запихал за пояс, штанины быстренько пошоркал подвернувшейся под руку щеткой. В прихожей надел ботинки, обтерев их каким-то тряпьем, примерил из искусственной кожи куртку, пришедшую мне в самую пору, нацепил бейсболку и вышел из квартиры.

* * *

Во дворе двухэтажного кирпичного дома никого не было, где-то таяла собака, а из длинного деревянного сарая, что напротив, раздавался натужный петушиный крик. Я огляделся. Влево и вправо тянулась узкая улица с одноподъездными домами-близнецами по одну сторону и сараями да гаражами – по другую. На возвышенности у самого горизонта на фоне тяжелых туч торчали как зубы далекие серые многоэтажки. Наверное, туда-то и надо наводить лыжи.

Беспрепятственно преодолев расстояние в три дома, я лицом к лицу столкнулся с мужчиной, выскочившим мне наперерез из-за сарая. Серая телогрейка, кепка и кирзовые сапоги. Широко расставив руки и слегка качнувшись – то ли был пьян, то ли занесло на скользкой грязи, – он хмуρο рыкнул:

– Стоять, партизан!

Недолго думая и не сбавляя темпа, я резко свернул в сторону того же сарая. Проскользнул перед самым носом удалого аборигена, едва коснувшегося меня рукой, и, увлекая за собой преследователя, оказался на небольшом пяточке. Отсюда не проглядывалось ни одно из окон домов, как удачно-то. Я развернулся и хладнокровно впечатал свой кулак в щетинистую челюсть. Мутно-серые глаза успели выразить удивление, прежде чем закатиться. Я подержал мужика за ворот и мягко прислонил к дощатой стенке. Пахнуло перегаром. На губах запенилась слюна, губы беззвучно шевелились. Учинить бы допрос, да риск большой. Маленький шмон обнаружил в кармане рваных штанов складной нож приличного размера. Пригодится. Что-то мне подсказывало: беги.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.